

Лекция 2. Развитие предпринимательства в России в условиях «доиндустриальной» модернизации»

План

1. Петровские реформы и их роль в развитии российского предпринимательства.
2. Экономическая политика правительства и частное предпринимательство в послепетровский период.

Литература

1. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М.: Наука, 1988.
2. Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. – 1993. – №7.
3. Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947.
4. Ключевский В.О. Соч. Т. 4. М., 1958.
5. Конотопов М. В., Котова А. А., Сметанин С.И., Сметанина С.И. История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
6. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993.
7. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
8. Развитие силикатной промышленности и бумажной промышленности в России в крепостной период. М., 1992.
9. Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие / Под ред. проф. М.Н. Чепурина. – М.: Филин, 1998. – 432с.
10. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967.
11. Энциклопедия купеческих родов. Сост. О. Платонов. М.: Современник, 1995.

1. Петровские реформы и их роль в развитии российского предпринимательства

Никто не собирается отрицать, что в годы петровских реформ был сделан большой скачок в развитии производительных сил страны, равный по своему значению индустриализации советского периода. За 1695–1725 годы было построено не менее двухсот мануфактур разного профиля, в десять раз больше, чем их было в XVII веке, при еще более впечатляющем увеличении объемов производства. Тогда же государство впервые в столь широких масштабах предъявило спрос на предпринимательскую деятельность.

Но в том-то и дело, что в XVIII веке роль государства в экономике чрезвычайно возросла. Обладая огромными финансовыми и материальными ресурсами, а также правом неограниченного пользования землей и ее недрами, государство взяло на себя регулирование всего, что было связано с процессом производства и распределения, начиная от мест размещения предприятий и определения номенклатуры изделий до разработки правил ее реализации. Собственно говоря, Петром I впервые в истории России была предпринята попытка создания государственной, «регулярной» экономики,

которую спустя два столетия назовут государственно-монополистической, или административно-командной.

Прежде всего обращает на себя внимание настойчивое стремление царя Петра I создать наряду с государственной промышленностью, базирующейся на казенных заводах и мануфактурах, подобным же образом организованную торговлю. Цель его заключалась в том, чтобы получить максимальную прибыль с самых ходовых товаров для решения государственных задач. При этом средства подчинения торговли государственным интересам были самыми примитивными, но тем не менее довольно эффективными — введение государственной монополии на заготовку и сбыт определенной продукции. Со временем в руках государства сосредоточилась продажа соли, юфти, пеньки, льна, хлеба, щетины, смолы, поташа, дерева, икры, сала, воска, железа, практически всего, что составляло основные предметы торговли русского купечества.

Возвращаясь к петровской эпохе, следует отметить, что подобное ограничение торговой деятельности русских купцов имело своим следствием расстройство и дезорганизацию внутреннего товарооборота, удушение настоящего, свободного и основанного на рыночной конъюнктуре предпринимательства.

Помимо государственной монополии в торговле купцам пришлось пережить и другие напасти. Прежде всего резко возросло количество разного рода государственных служб и повинностей, которые были вынуждены нести торговые люди. Их заставляли выполнять (под свою материальную ответственность) служебные обязанности в городском управлении, на таможнях, по сбору налогов, от винной и соляной продажи и т. д. На занятие своей собственной деятельностью времени зачастую не оставалось. К тому же за годы Северной войны многократно возросли прямые и косвенные налоги, которые основной своей тяжестью падали на наиболее состоятельных купцов. Все это наряду с установлением твердых государственных цен на поставляемые в казну товары ограничивало рост купеческих капиталов, убивало у купцов стремление к расширению сферы предпринимательской деятельности.

Но самой разрушительной мерой следует считать насильственное сколачивание купеческих компаний. Компании прельщали Петра не только широким размахом дела, требующего вложения больших капиталов нескольких предпринимателей, но главным образом тем, что оказавшиеся в этих компаниях купцы получались связанными круговой порукой и общей ответственностью перед государством. Создавались такие компании очень просто. Назначенный царем сверху руководитель имел право включать в нее любого именитого купца даже вопреки его желанию. Отказ от вхождения в компанию, а тем более самовольный выход из нее мог обернуться разорительным штрафом, а то и тюрьмой. А добровольно купцы не шли в эти компании потому, что согласно государственному уставу они не могли получать там больше 5-10% прибыли, то есть прибыль была несоразмерна риску и затратам.

Мы все знаем, что многие указы Петра I были написаны, образно говоря, кровью, что они проводились варварскими методами. Подобные же неординарные меры царь Петр применял и по отношению к российским предпринимателям. О насильственном сколачивании купеческих компаний уже говорилось. В 1713 году был издан указ, на многие годы внесший смятение в умы российских купцов. Согласно этому указу отныне запрещалось ввозить товары в Архангельск, а направлять их в новый торговый порт Санкт-Петербург. Купцам пришлось распрощаться с привычным, давно обхоженным торговым путем в Архангельский порт с налаженной базой: складскими помещениями, конторами, сторожками и т. д. Вряд ли следует убеждать, что подобный указ не прошел безболезненно для русских купцов. Многие из них разорились и перешли в другие сословия.

Все слышали об огромных массах крестьян, насильно стогняемых на строительство судоверфей и новой столицы. Однако подобным же образом Петр I заботился о создании петербургского купечества. Он просто повелел в 1711 году принудительно переселить в Санкт-Петербург несколько тысяч купцов и ремесленников из других городов России, что обернулось для невольных переселенцев сущим разорением. Ведь торговля всегда опирается на устоявшиеся связи и деловые отношения между партнерами, каждый торговый дом имел свой профиль и район торговли. С переселением эти связи обрывались, а на новом месте не всегда сопутствовал успех. Одни эти примеры наглядно показывают политику нещадной эксплуатации купеческого сословия в годы петровских реформ, чего не желают замечать некоторые историки, зачарованные величием Петровых дел. А ведь именно за счет купцов и их профессиональных навыков государство зачастую решало свои грандиозные задачи, не заботясь о собственно купеческих интересах. Даже таможенный тариф 1724 года, предоставлявший значительные льготы отечественным купцам, тем не менее сохранял довольно жесткие ограничения грузопотоков и видов товаров, доставляемых на рынок.

Эти и другие меры, имевшие своим следствием резкое сужение сферы свободной предпринимательской деятельности, не прошли безболезненно для русского купечества. Исторические данные свидетельствуют об оскудении наиболее состоятельных купеческих фамилий из «гостинной сотни», которой в период петровских преобразований был нанесен сокрушительный удар. Даже те немногие, что уцелели и, казалось бы, заняли прочное положение в начале XVIII века, к середине этого века неминуемо пришли в упадок. Такова судьба купеческих родов Филатьевых, Чирьевых и ряда других.

Но, может быть, в сфере промышленного производства предпринимательству была открыта «зеленая улица»? Кто не знает о мерах поощрения государством частного промышленного строительства, которые были весьма значительны и многообразны? Кому не известна судьба простого тульского оружейника Никиты Демидова, ставшего одним из крупнейших промышленников России. В 1702 году Петр I передал ему

казенный Невьянский завод с землями на Урале, где Демидов быстро наладил производство лучших в мире боевых ружей до 100 тысяч в год. За короткий срок Демидовы поставили на Урале 20 металлургических заводов, которые к середине XVIII века производили более трети металла, выплавляемого в России.

И в дальнейшем правительство все чаще практиковало передачу казенных промышленных предприятий в частные руки или в ведение компаний. Постановление берг-коллегии от 10 декабря 1719 года разрешало разыскивать руды и основывать заводы всем желающим этим заниматься, вне зависимости от их социального положения. Казалось бы, дорога к частному промышленному производству, а через него и к свободному предпринимательству была проложена. Однако не все было так однозначно. Нет никаких оснований считать, что Петр I, пусть даже неосознанно, способствовал развитию тех приемов и форм предпринимательской деятельности, которые были распространены тогда в Западной Европе. Ведь основной обязанностью предпринимателя-промышленника было выполнение казенных заказов. Только излишки продукции можно было затем реализовать на рынке. Но, во-первых, после выполнения казенного заказа излишков продукции просто не оставалось и, во-вторых, продавать продукцию заводчику приходилось опять же в казну по ценам, установленным государством. Частное промышленное предпринимательство было, таким образом, намертво привязано к государственной колеснице системой казенных заказов и регулируемые ценами, не говоря уже о прямом строгом контроле со стороны берг-коллегии и других государственных органов, не делающих различия между казенными и частными предприятиями. С одной стороны, такая государственная опека была предпринимателям во благо, так как гарантировала сбыт продукции и стабильность доходов. С другой стороны, гарантированный при любых условиях сбыт продукции, отсутствие рынка и конкуренции — все это закрывало перспективы технического прогресса и повышения качества продукции. Многочисленные льготы, даваемые правительством заводчикам, как-то: беспроцентные ссуды на несколько лет, беспошлинная продажа товаров, обеспечение по существу бесплатной рабочей силой — все это было не во благо, действовало развращающе на российских предпринимателей, позволяло им паразитировать за государственный счет и не думать о дальнейших перспективах развития.

Влияние государства на экономику не ограничивалось прямым воздействием на промышленность и торговлю. Деформация российского предпринимательства, приобретение им несвойственных европейскому бизнесу черт во многом было обусловлено господствующими в стране социально-политическими отношениями, придавшим российскому предпринимательству ярко выраженный крепостнический характер. Особенно отчетливо это видно на примере промышленного производства, которое с самого начала базировалось на принудительном труде. Далеко идущие последствия для судьбы отечественного предпринимательства имели

два указа Петра Великого: от 18 января 1721 года, разрешавшего владельцам предприятий прикупать к своим заводам крепостных крестьян, и от 15 марта 1722 года о розыске беглых рабочих людей. В дальнейшем доля вольнонаемных рабочих постоянно сокращалась, чему в немалой степени содействовала сложившаяся практика, когда свободный человек насильно закреплялся за предприятием, если он был обнаружен соответствующей государственной приписной комиссией. Так продолжалось до тех пор, пока согласно указу 1736 года все сохранившиеся к тому времени вольнонаемные рабочие были объявлены крепостными владельцев заводов — «вечноотданными». В итоге целые отрасли промышленности отныне стали использовать труд крепостных рабочих.

Однако, возможно, основная негативная черта петровских реформ в том, что на целые столетия оказалось деформированным сознание российского предпринимателя. Вмешанные в государственную экономику, покоящиеся на крепостнических отношениях, купцы и промышленники не могли осознать свой социальный статус и свое классовое своеобразие. У них не возникло и не могло возникнуть классовое корпоративное сознание. Если в передовых государствах Европы буржуазия не только осознавала свое место в системе общественных отношений, но и открыто заявляла о своих претензиях дворянству и королевскому двору, то в России такое было невозможно. Там, напротив, наблюдалось попятное движение. Многие купцы и мануфактуристы изо всех сил пытались выйти в дворяне. Мечтали накопить средства, купить деревеньку с крепостными крестьянами и зажить мирной помещичьей жизнью. Наиболее удачливые из них сумели реализовать свою мечту, через одно-два поколения превращались в потомственных дворян, полностью растворялись в «благородном» сословии и забывали о своих предприимчивых отцах и дедах, вышедших из среды крестьян и мелких торговцев. Наиболее характерный пример в этом отношении — династия промышленников Строгановых и Демидовых, ставших графами и баронами Российской империи.

В целом можно констатировать, что в сфере именно предпринимательской деятельности петровские реформы дали мало хорошего. Достигнутый на крепостнической основе промышленный подъем придал новую жизненную силу традиционному обществу с ее командно-регулируемой экономикой и закабалением предпринимателя государством. Это существенно притормозило тенденцию к достижению свободной рыночной экономики, которая уже успела сложиться в передовых государствах Европы. России же был уготован иной путь — рост промышленного производства и становление нового предпринимательского класса шли рука об руку с усилением абсолютистского государства, роста дворянских привилегий и еще большего усиления крепостнических отношений, что делало бесперспективным зарождение предпринимательских начал в экономике. Таким образом, если государственная деятельность Петра Великого и носила характер «революции сверху», то это была «консервативная революция», которая, дав

первоначальный толчок развитию молодой развивающейся нации, обусловила в дальнейшем застой в развитии производительных сил, деформацию предпринимательских начал в экономике.

2. Экономическая политика правительства и частное предпринимательство в послепетровский период

Таковыми бы противоречивыми ни были реформы Петра I, они все-таки дали толчок в развитии промышленного предпринимательства, главной во все времена сферы предпринимательской деятельности, которое продолжало расширяться и в последующие годы даже без видимых усилий со стороны правительства. Если в год смерти Петра Великого (1725 г.) насчитывалось всего 24 частных завода, то за 1726–1750 годы их было построено 38. Причем темпы строительства частных предприятий черной металлургии были порядком в три раза выше, чем казенных. Казенных промышленных предприятий за эти же годы было построено всего 14.

Одной из характерных черт промышленного строительства в тот период было то, что частные предприятия строились теперь не на Урале, а в центральных районах страны. Причина этого явления заключалась в том, что на далеком северо-востоке, где были богатые залежи руды и топлива, было мало населения, которое можно было вовлекать в производство и которому можно было реализовывать готовую продукцию. В центральных же районах хуже обстояло с рудой и топливом, но зато эти места были густо заселены и население с давних пор было знакомо с обработкой железа и само нуждалось в продукции из железа.

Так, вместо Урала на первое место в экономике России стал выдвигаться Тульско-Калужский промышленный район, где во второй четверти XVIII века было построено 15 частных заводов. Демидовы построили здесь три новых завода в Брянске, Носонов — два в Туле и три в Калуге, Баташев — три завода, Золотаревы — два, Гончаровы — один завод. Продукция частной металлургии составляла по тем временам колоссальную цифру — 1,5 миллиона тонн чугуна, что было в 2,5 раза больше, чем давала казенная металлургия. Это данные за 1750 год. Рост крупной металлургии вызывался потребностями внутреннего и внешнего рынка. Главным потребителем русского металла выступала Англия. Экспорт железа из России составлял по годам: в 1722 году — 49 тыс. пудов, в 1744-м — 546 тыс. пудов, в 1751-м — 685 тыс. пудов железа. Главным экспортером был тот же Демидов, который построил во второй четверти XVIII века 23 новых завода. Тягу к промышленному предпринимательству проявляли не только профессиональные заводчики, но и торговые люди. Из 23 заводоладельцев, включившихся в промышленное предпринимательство в описываемый период, 17 вышли чисто из купеческой среды. Именно благодаря русским промышленникам Россия в XVIII веке имела активный торговый баланс в торговле с Европой: вывоз почти вдвое превышал ввоз.

Такое усиление экономической мощи нарождающегося предпринимательского сословия не могло не беспокоить дворянство,

ревностно следящего за своими привилегиями. Дворяне требовали от правительства оградить права помещиков хотя бы на крепостных крестьян. В данном случае дворян, возможно, беспокоили не столько их сословные привилегии, сколько стремление получить весомое преимущество перед купцами и промышленниками. Ведь дворяне сами активно занимались предпринимательской деятельностью, устраивали в своих имениях поташное, кожевенное и сахарное производство, где у них под рукой было и сырье и рабочие руки. Идя им навстречу, правительство в 1752 году издало указ о максимальном количестве покупных рабочих, которое могли приобретать заводчики — от 12 до 40 человек на каждый фабричный стан. Наконец, в 1762 году император Петр III вообще запретил владельцам частных предприятий прикупать к заводам крепостных крестьян. Тем самым дворяне приобретали одностороннее преимущество перед предпринимателями-простолюдинами. Не случайно в годы правления Елизаветы Петровны началась широкая приватизация казенных предприятий лицами из ближайшего окружения императрицы. Злоупотребляя своим положением, Шуваловы, Воронцовы и другие приобрели многие заводы на Урале. Промышленное предпринимательство окончательно приобрело вотчинный, крепостнический характер.

Все же, заботясь прежде всего об интересах господствующего класса, правительство по мере возможности старалось удовлетворить и купечество. Наряду с Дворянским банком был учрежден купеческий заемный банк с дешевым кредитом. Также в интересах прежде всего купцов была произведена в 1754 году отмена внутренних таможенных пошлин, что значительно облегчило купцам торговые операции внутри страны.

Воцарение Екатерины II внесло в российскую деловую жизнь много новых моментов, ожививших предпринимательскую деятельность. Екатерина II была сторонницей принципа свободной торговли, освобождения ее от жесткого контроля со стороны государства. Ею были отменены многие указы и регламенты петровских времен, ограничивавшие мануфактурное дело и торговлю. Но, предоставляя свободу предпринимательской деятельности для всех своих подданных, Екатерина II с большим сомнением относилась к дворянскому предпринимательству, считая, что благородному сословию не к лицу заниматься такого рода деятельностью. По ее мнению, деловая жизнь должна была находиться в руках среднего рода людей, а не дворян и не крестьян. Единственным родом предпринимательской деятельности, который был законодательно определен как исключительно дворянская привилегия, было винокуренное производство.

Однако чего не могла постигнуть Екатерина II в своих попытках активизировать торговую инициативу купцов, так это крайнюю инфантильность последних, незаинтересованность их в развитии торговых связей с границей, незнание элементарных основ коммерческой деятельности, узость размаха, и, самое главное, прямое пренебрежение купцами своими профессиональными обязанностями. Являясь купцами

только по званию, многие из них занимались не торговлей, а мелкими промыслами, а то и вовсе опускались до люмпенов.

Руководствуясь тем, что «торговля — верховная обладательница судьбины человеческого рода», Екатерина II пыталась организовать специальные коммерческие школы для детей купцов. Но все было напрасно. Купечество так и не удалось напрямую втянуть в зарубежную торговлю. Для этого у них не было никакого побудительного стимула. Полученную таким путем сверхприбыль нельзя было обратить на расширение своего дела внутри страны из-за господства в ней крепостнических отношений, а необходимые для своего благосостояния средства купец мог получить и у себя дома, занимаясь оптовой и розничной торговлей.

Тем не менее, в купеческой среде произошли существенные изменения, потребовавшие от правительства уточнить социальные грани среди представителей торгового сословия. В 1785 году вышло соответствующее городовое уложение. Согласно ему, купец, чей капитал составлял от 10 до 50 тысяч рублей, записывался в первую купеческую гильдию. С капиталом от 5 до 10 тысяч — во вторую. В третью гильдию записывали тех, чей капитал составлял от одной тысячи рублей до пяти. Все купеческие гильдии отныне освобождались от телесных наказаний, а купцы первой и второй гильдий еще и от подушной подати. Новое городовое уложение свидетельствовало о бурно развивающемся процессе расслоения в купеческой среде, что в свою очередь было свидетельством расширения внутреннего рынка и освоения вновь присоединенных территорий, особенно Черноморского побережья.

Однако, хотя за 30 лет правления Екатерины II возникло до 2000 новых промышленных предприятий, страна по-прежнему пребывала в таком состоянии, когда рост промышленного производства никак не вел к новым производственным отношениям. Напротив, он еще более укреплял экономический базис старой социально-экономической системы.

Новый предприниматель, создатель иной рыночной экономики и совершенно иного, чем прежде, образа деловой жизни, мог прийти только из деревни, вырасти из крестьянской среды, лучшие представители которой, несмотря на господство крепостнических отношений, втягивались в рыночные отношения, проявляя невиданную энергию и завидную предприимчивость. А трудности на пути развития крестьянского предпринимательства были поистине велики. Ровно настолько, насколько Екатерина II заботилась о развитии промышленности и торговли, поощряла купцов и заводчиков, в такой же мере она выстраивала препятствия на пути развития крестьянских промыслов и торговли.

К концу XVIII века крестьянам было запрещено торговать в городах и вблизи монастырей. Вся свою продукцию они вынуждены были отдавать скупщикам-оптовикам. Тем не менее крестьяне продолжали заниматься предпринимательством. К этому их толкали помещики, переходящие на денежный оброк. Купцы постоянно жаловались правительству, что крестьяне заводят собственные сахарные, кожевенные, льняные и прочие мануфактуры и вытесняют из производства природных купцов. Со второй половины XVIII

века крупным текстильным центром становится Подмоскowie. Предприятия там организовывали богатые крестьяне. На них работали помещичьи или государственные крестьяне, ушедшие на отхожий промысел. В Московской губернии почти 62% крестьян занимались одновременно и земледелием и отхожими промыслами. Именно в конце XVIII века в селе Иваново Владимирской губернии появились первые ткацкие и набоечные мастерские.

В 1748 году крестьянин Иван Грачев открыл здесь свою первую полотняную мануфактуру. А к концу века в селе Иваново было 188 набоечных изб, которыми владели 20 крестьян. Грачева же ожидал большой успех. В 1795 году он владел уже тремя тысячами десятин земли и 881 душой мужского пола, сам оставаясь крепостным графа Шереметьева, которому он платил по 552 рубля ежегодного оброка. Злоупотребляя своим правом владельца, Шереметьев периодически «занимал» у Грачева крупные суммы денег. Так, в 1793 году он занял у него 10 тысяч рублей, в 1794 еще 5 тысяч, не желая и слушать о выкупе. Все же Грачеву удалось выкупиться на волю в 1795 году за 133 тысячи рублей, и он сразу же записался в первую купеческую гильдию.

Так постепенно из крестьянского сословия начинает формироваться новый торгово-промышленный класс, представителям которого через несколько десятков лет предстояло стать пионерами российского капитализма. Именно тогда зарождались будущие предпринимательские династии Кондрашевых, Шубкиных, Прохоровых, Рябушинских, Третьяковых и других, ждущих своего часа.